

≈ 20 мин

Размещаем очередной статистический обзор, посвящённый на сей раз ситуации в современном Китае.

Оглавление [скрыть](#)

1. Вопрос о собственности

2. Рабочий вопрос

3. Маргинализация рабочего класса

Вопрос о сущности социально-экономических отношений в современном Китае будоражит умы не только в России, но и за рубежом. Исследователи-марксисты раскололись на два лагеря: тех, кто считает, что в Китае сохраняются прогрессивные производственные отношения, и тех, кто утверждает, что в Китае произошёл полный откат к капитализму. Коллектив LC здесь разделяет точку зрения последних. Этот вопрос был частично затронут в одном из статистических обзоров¹, а также в рубрике «Новости из „Сумеречной зоны“»².

Среди западных марксистов эту же точку зрения разделяют Тимоти Керсвелл (Timothy Kerswell) и Джейк Лин (Jake Lin), которые в своей недавней статье выступили с обстоятельной критикой известного неомарксиста Самира Амина³. Утверждая, что вопрос «Капиталистическим или социалистическим является Китай?» неверно поставлен, Самир Амин доказывает, что Китай не является ни тем, ни другим. Более того, он уверен, что китайская модель могла бы бросить вызов глобальному империалистическому капитализму и подать пример для подражания глобальному Югу⁴. В этом статистическом обзоре мы рассмотрим аргументы, которые Керсвелл и Лин выдвигают против Самира Амина.

ВОПРОС О СОБСТВЕННОСТИ

БОЛЬШОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПОНИМАНИЯ ГОСПОДСТВУЮЩИХ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ИМЕЕТ ВОПРОС О СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ. В НЁМ КЕРСВЕЛЛ И ЛИН ПОЛЕМИЗИРУЮТ С АМИНОМ, КОТОРЫЙ УКАЗЫВАЕТ, ЧТО *«КИТАЙСКАЯ СПЕЦИФИКА (ТО ЕСТЬ СОЮЗ КПК С КРЕСТЬЯНАМИ) АБСОЛЮТНО НЕ ПОЗВОЛЯЕТ ХАРАКТЕРИЗОВАТЬ СОВРЕМЕННЫЙ КИТАЙ КАК КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ, ПОТОМУ ЧТО КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ ПУТЬ ОСНОВАН НА ПРЕВРАЩЕНИИ ЗЕМЛИ В ТОВАР»*.

В противовес этому утверждению Керсвелл и Лин указывают: несмотря на то, что по конституции земля является народной/государственной собственностью, нынешняя система землевладения является по сути глубоко капиталистической. Они отмечают, что исторически система собственности на землю в Китае была определена «дуализмом между городом и деревней». До принятия закона о собственности в 2007 г. сельские земли являлись «коллективной собственностью», а городские земли — «государственной собственностью».

После принятия этого закона граждане Китая де-факто получили право владеть собственностью в городах. Горожане могут свободно продавать, передавать, закладывать или сдавать в субаренду недвижимость несмотря на то, что государство по-прежнему владеет всей землей. Независимо от формального правового статуса можно сделать вывод о том, что городская недвижимость фактически находится в частной собственности.

Аналогичную скрытую приватизацию претерпели сельскохозяйственные земли. В 1980-е годы в сельском хозяйстве произошёл переход к «системе контрактов с ответственностью домашних хозяйств» (household contract responsibility system), которая предоставила ответственность за сельскохозяйственное производство отдельным домохозяйствам. К 1984 г. 99 % производственных бригад (коммун) были распущены и перешли на новую систему⁵. Несмотря на заявления КПК, что новая система представляет собой «социализм с китайской спецификой», поскольку земля остается в коллективной собственности и используется более эффективно — это не соответствует действительности. Согласно новому законодательству, с домохозяйствами заключается контракт, по которому они производят на земле, находящейся в коллективной собственности, при этом сохраняя часть прибыли. С этого момента их производство основывается на капиталистической системе трудовых договоров и ориентировано на рынок. Фактически произошла приватизация сельского производства без изменения конституционного определения собственности.

После 1990-х гг. процесс превращения сельских земель в товар ускорился. Урбанизация превращает всё больше и больше сельских земель в городские (жилая собственность или промышленное производство). Всё больше и больше

сельских земель в коллективной собственности начинает «обращаться» на рынке. Например, к 2010 г. 35 % прав на управление земельными ресурсами в сельских районах, администрируемых через «систему контрактов с ответственностью домашних хозяйств» в Чунцине, обращались на рынке⁶.

Авторы статьи указывают, что неопределённость в праве на владение сельскими землями приводит к росту проблем с захватом земель. Это вызвано тем, что КПК не смогла чётко определить, что является сельским «коллективом» и кто может «владеть землёй» в Китае. Во многих отношениях урбанизацию в Китае можно рассматривать как процесс изъятия земли местными коррумпированными органами власти⁷.

Псевдо-коллективная собственность на сельские земли всё чаще становится прикрытием для безудержной коррупции и кумовства в процессе передачи прав землепользования в сельских районах. Начиная с 2005 г., исследования свидетельствуют о неуклонном увеличении числа принудительных изъятий земли, и ежегодно около 4 млн фермеров теряют свои земли⁸. В то время, как средняя компенсация фермерам за передачу договорных прав на землю составляла \$17 850 за акр, средняя цена продажи коммерческим застройщикам составляла \$740 000 за акр⁹. По некоторым оценкам, 65 % из 180 000 ежегодных случаев массового гражданского неповиновения в Китае в 2010 г. были вызваны принудительными реквизициями земли¹⁰.

ВЫШЕПРИВЕДЁННЫЕ ДАННЫЕ О НЫНЕШНЕМ СОСТОЯНИИ ЗЕМЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В КИТАЕ ЯВНО ОПРОВЕРГАЮТ УТВЕРЖДЕНИЕ АМИНА.

Второй ключевой вопрос, по которому Керсвелл и Лин полемизируют с Амином, касается успешности земельной реформы. Амин оказался в компании неолиберальных экономистов, утверждая, что решение Дэн Сяопина распустить коммуны и предоставить сельским семьям права землепользования было успешным. По его мнению, оправданием рыночной реформы является то, что Китай сохранил и укрепил свой продовольственный суверенитет: он отмечает, что *«6 % пахотных земель в мире достаточно хорошо кормят 22 % населения мира»*. В противовес Амину авторы статьи ссылаются на исследование Чжунь Сюя (Zhun Xu), который ставит под сомнение достоверность официальной статистики и предполагает, что производство зерна в Китае уменьшалось с конца 1990-х гг. Сюй с соавторами утверждает, что фактический уровень производства зерна в Китае может быть существенно ниже официальной государственной статистики на целых 100 млн тонн¹¹. Авторы статьи также приводят данные, что по состоянию на 2014 г. более 40 % пахотных земель Китая страдают от деградации, что снижает их способность производить продукты питания. Загрязнение более чем 16 % китайских почв превышает национальные стандарты, и этот показатель для пахотных земель вырос в 2014 г. до 20 %. Всё это привело к тому, что Китай активно инвестирует в производство продуктов питания за рубежом.

Керсвелл и Лин отмечают, что земельная реформа и связанная с ней деколлективизация общин, переход к «системе контрактов с ответственностью домашних хозяйств» являются одними из первых шагов, предпринятых КПК при переходе на капиталистический путь развития. Сельская реформа лишила прав крестьян, сломала рабоче-крестьянский союз и тем самым успешно подготовила почву для углубления рыночных преобразований КПК. В свою очередь,

земельная реформа проложила путь к городской реформе, ориентированной на китайский рабочий класс.

РАБОЧИЙ ВОПРОС

Если реформа в сельских районах Китая является по сути капиталистической, но скрывающейся за ширмой псевдо-коллективной собственности на землю, то городская реформа, которая привела к повторной пролетаризации китайских рабочих, — это полноценное проявление неолиберального капитализма.

Сельские реформы в сочетании с привлечением иностранного капитала привели к тому, что целое поколение, а это миллионы китайцев, стали городскими жителями. Большой объём дешёвого прибавочного труда и приток иностранного капитала подталкивали КПК к реформам государственных предприятий (ГП).

АМИН УКАЗЫВАЕТ НА НЕОБХОДИМОСТЬ ЭТИХ РЕФОРМ: ПО ЕГО МНЕНИЮ, ПРИВАТИЗАЦИЯ МАЛЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В КИТАЕ С 1990 ГГ. ПРЕСЛЕДОВАЛА ЦЕЛЬ ИЗБЕЖАТЬ СТАГНАЦИИ, КОТОРАЯ БЫЛА ФАТАЛЬНОЙ ДЛЯ СССР. КЕРСВЕЛЛ И ЛИН В ПРОТИВОВЕС УТВЕРЖДАЮТ, ЧТО ЭТО НЕ МОЖЕТ СЛУЖИТЬ ОПРАВДАНИЕМ ХИЩНИЧЕСКОМУ ХАРАКТЕРУ ПРИВАТИЗАЦИИ.

Они дают ретроспективу этих реформ, преследуя цель показать, что внедрение рыночных элементов в социалистическую экономику вызывает каскадные структурные изменения. Это можно сравнить с домино: стоит только подтолкнуть, и вся система полностью трансформируется. Началом рыночной реформы в городах Китая стало создание в 1984 г. Особых экономических зон (ОЭЗ), в которых предпочтение отдавалось прямым иностранным инвестициям (ПИИ). Эти инвестиции увеличились с 1,3 млрд долл. в 1984 г. до 33,9 млрд долл. в 1990 г. Быстрорастущие предприятия, поддерживаемые иностранными инвестициями, поставили под сомнение эффективность государственных предприятий. КПК сохранила горстку центральных и стратегических ГП, которые постепенно попали под управление партийной элиты, и ослабила надзор за большим количеством мелких ГП, которые фактически превратились в частные, подконтрольные местным чиновникам.

**ПРИВАТИЗАЦИЯ И МАРКЕТИЗАЦИЯ
ТРЕБОВАЛИ БОЛЬШОГО КОЛИЧЕСТВА
ДЕШЁВОЙ РАБОЧЕЙ СИЛЫ,
«ЛИБЕРАЛЬНОГО» РЕЖИМА И ГИБКОГО
РЫНКА ТРУДА. В 1983 Г. МИНИСТЕРСТВО
ТРУДА И СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ПРОВОЗГЛАСИЛО ПРИНЦИП «КАЖДОМУ ПО
ТРУДУ» И ПОЛОЖИЛО КОНЕЦ ТАК
НАЗЫВАЕМОЙ ПРАКТИКЕ «ЖЕЛЕЗНОЙ
МИСКИ С РИСОМ» — ГАРАНТИРОВАННОЙ**

ПОЖИЗНЕННОЙ ТРУДОУСТРОЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ.

В то же время начала поощряться работа по контракту. В 1987 году число работающих по контракту достигло 6 млн, что составляло немногим более 5 % от общей численности рабочей силы в промышленности. Число контрактников в секторе ГП в 1990 г. возросло до 13,7 млн человек, или 13,3 % рабочей силы. В 1994 г. — уже 26,2 % и 52 % в 1997 г.¹².

Авторы статьи указывают на то, что реформа ГП в тандеме с введением на селе «системы контрактов», приведшие к повторной пролетаризации городского рабочего класса и маркетизации земли, вынудили крестьян и избыточных рабочих переселяться в прибрежные промышленные центры, где они пополняли резервную армию труда. Согласно официальным данным, только в провинции Гуандун численность трудящихся-мигрантов к 1993 г. составляла около 10 млн человек. Общее число трудящихся-мигрантов возросло с 84 млн в 2001 г. до 274 млн в начале 2015 г. Большинство из них были заняты в частном секторе и в трудоёмких отраслях, таких, как швейная промышленность, обрабатывающая промышленность и сфера услуг.

В целях институционализации нового режима труда китайское правительство провело ряд правовых реформ. В 1986 г. в секторе госпредприятий был опробован новый Закон о банкротстве, который позволял ликвидировать убыточные ГП, в результате чего процент ГП начал снижаться. В период с 1990 по 1999 годы на ГП было сокращено 17,7 млн рабочих мест, а в городских

коллективных фирмах (в основном, стопроцентные дочерние предприятия ГП) — еще 18,4 млн рабочих мест¹³. Таким образом, за 10 лет было уволено более 36 млн работников.

Керсвелл и Лин приводят данные из исследования секс-бизнеса в Китае, согласно которому 74 % опрошенных женщин были уволены с предприятий госсектора, а 92 % стали работницами секс-бизнеса после более чем 50 месяцев безработицы¹⁴. До принятия Закона о банкротстве государство в 1982 г. предусмотрительно приняло конституционную поправку, согласно которой из конституции было изъято право на «свободу забастовок». Совокупность этих правовых изменений способствовали ликвидации социалистических элементов в трудовых отношениях Китая.

В результате рыночных реформ Китай оказался полностью встроенным в мировую систему капитализма. С 2003 г. он превзошёл США, став первым государством по притоку ПИИ в мире, которые в 2012 г. достигли уже 98.6 млрд долл. Экспорт Китая в процентах от ВВП подскочил с 25 % в 2002 г. до 39 % в 2006 году, что сделало его так называемой «Потогонной фабрикой мира». Китай стал крупнейшей торговой страной в мире, обогнав США. Его годовой товарооборот в 2013 г. превысил отметку в 4 трлн долл. США. В 2010 г. Китай обгоняет США и становится крупнейшим рынком капитала для первичных публичных размещений (IPO). Всё это происходит на фоне тотального увеличения количества трудовых мигрантов и сокращения числа работников, занятых на госпредприятиях.

Как констатируют Керсвелл и Лин, к началу XXI века Китай завершил переход

от социалистической системы к капиталистическим трудовым отношениям. Городской Китай прошёл путь от социально-ориентированной системы, гарантирующей постоянную работу государственным служащим и относительно высокую степень экономического равенства, до определяемой рынком контрактной системы занятости, с массивными неформальными и незащищёнными секторами на периферии.

МАРГИНАЛИЗАЦИЯ РАБОЧЕГО КЛАССА

ДРУГИМ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫМ ВОПРОСОМ, КОТОРЫЙ ЗАТРАГИВАЮТ КЕРСВЕЛЛ И ЛИН И БЕЗ КОТОРОГО НЕВОЗМОЖНО ПОНЯТЬ СУЩНОСТЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ, ЯВЛЯЕТСЯ ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТАТУС РАБОЧЕГО КЛАССА. КПК ОФИЦИАЛЬНО ЗАЯВЛЯЕТ, ЧТО ПРОМЫШЛЕННЫЕ РАБОЧИЕ ЯВЛЯЮТСЯ ПРАВЯЩИМ КЛАССОМ. ОДНАКО ПОСЛЕ РЫНОЧНЫХ РЕФОРМ РАБОЧИЙ КЛАСС НАЧАЛ МАРГИНАЛИЗИРОВАТЬСЯ. ДАЖЕ АМИН ВЫНУЖДЕН ПРИЗНАТЬ, ЧТО *«В КИТАЕ СУЩЕСТВУЮТ КРАЙНЕ ЖЁСТКИЕ ФОРМЫ ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРУДЯЩИХСЯ»*.

Авторы статьи отмечают, что переломным моментом здесь стал переход КПК на прокапиталистические позиции. В 2001 г. Цзян Цзэминь объявил, что КПК будет приветствовать в своих рядах предпринимателей, чего не было за всю историю существования партии. В 2011 г. чистые активы 70 самых богатых делегатов во Всекитайском собрании народных представителей (ВСНП) выросли до 565,8 млрд юаней (89,8 млрд долл. США). Кроме того, численность рабочих и крестьян в ВСНП продолжает снижаться: с 51,1 % в 1975 г. до менее 4 % в 2003 году¹⁵. Это объясняет, почему голоса рабочих едва слышны, а проблемы с правами трудящихся вряд ли могут попасть в повестку дня законодателей.

Здесь авторы опять вступают в полемику с Амином, который выдвигает несколько спорных утверждений. Во-первых, он указывает, что несмотря на строго контролируруемую миграцию из села в город, городское население имеет адекватную занятость и приемлемые условия жизни. В противовес Керсвелл и Лин ссылаются на слова Вэнь Цзябао, занимавшего в 2010 г. пост премьер-министра Госсовета КНР, который заявил, что общая численность безработных составляет около 200 миллионов человек¹⁶. Несмотря на чрезвычайно быстрый рост ВВП, в Китае сохраняется огромная резервная армия труда, которая способствует снижению цены рабочей силы ниже её стоимости.

Во-вторых, Амин утверждает, что, несмотря на стремительно растущее неравенство, рабочий класс тоже выигрывает от экономического развития. Но как бы то ни было, количество массовых протестов в Китае увеличивается. Число трудовых споров резко возросло с 8000 в год в 1993 г. до более 850 000 в 2012 г.¹⁷ По некоторым оценкам, в 2014 г. произошло около 1378 забастовок, что в два раза превышает показатель 2013 г.¹⁸

В-ТРЕТЬИХ, АМИН СЧИТАЕТ ДОСТИЖЕНИЕМ ТО, ЧТО КИТАЮ УДАЕТСЯ СОХРАНИТЬ БОЛЬШУЮ ЧАСТЬ ПРОИЗВЕДЁННОЙ ТАМ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ, В ОТЛИЧИЕ ОТ ДРУГИХ СТРАН ГЛОБАЛЬНОГО ЮГА, ЭКСПЛУАТИРУЕМЫХ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ТРИАДОЙ (США, ЕВРОПА И ЯПОНИЯ). НА ЭТО КЕРСВЕЛЛ И ЛИН ОТВЕЧАЮТ, ЧТО ПРИБЫЛЬ, ЧАСТИЧНО УДЕРЖИВАЕМАЯ В КИТАЕ, РАСПРЕДЕЛЯЕТСЯ В СЕКТОРЕ ГП, КОТОРЫЙ НА САМОМ ДЕЛЕ КОНТРОЛИРУЕТСЯ ГОРСТКОЙ БОГАТЫХ БИЗНЕСМЕНОВ И УПРАВЛЕНЦЕВ, ЧЛЕНОВ КПК.

И, наконец, Амин положительно высказывается по поводу китайской системы социального обеспечения (здравоохранения, жилищной политики, пенсионной системы). По факту, отмечают Керсвелл и Лин, большинство китайцев сейчас сами платят за образование и здравоохранение. Китай тратит скудную часть своих налоговых поступлений на систему социального обеспечения, и при распределении идёт перекося в сторону городского «среднего класса», в результате чего сельская беднота и городской рабочий класс остаются незащищенными¹⁹.

Как мы видим, Керсвелл и Лин в своей статье достаточно аргументированно полемизируют с Самиром Амином, отстаивая точку зрения, что современный Китай после «успешно» проведённых рыночных реформ окончательно встроился в систему мирового капиталистического разделения труда, причём занял в ней не последнее место. Естественно, это встраивание потребовало радикальной трансформации всей социально-экономической системы Китая, которая происходила при формальном сохранении власти коммунистической партии, в течение двух десятков лет, начиная с 80-х гг. Экономические успехи Китая, которые выразились в том числе и в росте ВВП, были достигнуты за счёт политической маргинализации и повторной пролетаризации рабочего класса и крестьянства, дешёвый труд которых послужил «рогом изобилия» для новой китайской элиты из КПК.

Однако бенефициарами от новой расстановки классовых сил в Китае стали не только новоявленные китайские предприниматели и перерожденцы из КПК. Если рассматривать китайские рыночные реформы сквозь призму мировой системы капитализма, то приходится констатировать, что повторная пролетаризация огромного по численности рабочего класса Китая внесла решающий вклад в сохранение и поддержание этой системы.

**ВКЛЮЧЕНИЕ МИЛЛИОНОВ КИТАЙСКИХ
НИЗКООПЛАЧИВАЕМЫХ РАБОЧИХ,
СОВМЕСТНО С РАБОЧИМИ БЫВШЕГО
СОВЕТСКОГО СОЮЗА И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ,
В ГЛОБАЛЬНУЮ РАБОЧУЮ СИЛУ**

ОБЕСПЕЧИЛО НОВЫЕ ВЛИВАНИЯ
ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ В МИРОВУЮ
КАПИТАЛИСТИЧЕСКУЮ ЭКОНОМИКУ, ЧТО
ПРИВЕЛО К СНИЖЕНИЮ ТЕМПОВ РОСТА
ОРГАНИЧЕСКОГО СОСТАВА КАПИТАЛА И,
НЕСОМНЕННО, ПОВЫСИЛО НОРМЫ ПРИБЫЛИ
КОРПОРАЦИЙ ПЕРВОГО МИРА.



Нашли ошибку? Выделите фрагмент текста и нажмите Ctrl+Enter.

Примечания

1. Радайкин Е. Статистическое обозрение: **Соотношение частной и общественной собственности в России и Китае** // LC. 2017. ←
2. **Новости из «Сумеречной зоны»** // Ревкульт. 2017. Вып. 3; **Культ личности Председателя Си** // Ревкульт. 2018. Вып. 4; **Культ личности Председателя Си (продолжение)** // Ревкульт. 2018. Вып. 5. ←
3. Kerswell T., Lin J. **Capitalism Denied with Chinese Characteristics** // Socialism and

- Democracy. 2017. ↩
4. Amin S. **China 2013** // Monthly Review. 2013. 64 (10). ↩
 5. Lin J.Y. Rural Reforms and Agricultural Growth in China // American Economic Review. 1992. P. 34-51. ↩
 6. Young J. Toward an Integrated System of Rural-Urban Residency and Land Use in China // Modern China Studies, 2013. 20 (2), p. 252. ↩
 7. Законы дают местным органам власти широкую свободу экспроприировать землю у фермеров, часто втайне и с небольшой компенсацией или без какой-либо компенсации. См.: Pomfret J. Freedom Fizzles in China's Rebel Town // Reuters. 2013. February 28. ↩
 8. Elizabeth C. A Land Grab Epidemic: China's Wonderful World of Wukans // Council on Foreign Relations. 2012. February 7. ↩
 9. Pomfret, «Freedom Fizzles» (note 16). ↩
 10. Taylor A. **Rising Protests in China**. 2012. ↩
 11. Xu Z., Wei Z., Minqi L. **China's Grain Production** // Monthly Review. 2014 66 (1). ↩
 12. Tomba L. Paradoxes of Labour Reform: Chinese Labour Theory and Practice From Socialism to Market. London: Routledge Curzon. 2014. ↩
 13. Huang Y. Selling China: Foreign Direct Investment During the Reform Era. Cambridge: Cambridge University Press. 2003. ↩
 14. Yinyin H., Wuanming P. Female SexWorkers in the Labor Market of Northeastern China // Sociological Research [Shehuixue Yanjiu]. 2003. No. 3. ↩
 15. Anonymous. **Workers of the Communist Party of China and the Proportion of Workers in the NPC Deputies Continued to Decline. (In Chinese)**. 2015. ↩
 16. **Вэнь Цзябао: численность безработных достигает 200 миллионов человек**. 22 марта 2010. ↩
 17. National Bureau of Statistics of China (NBS). 2014. National Rural Migrant Workers

Study Report 2014 [in Chinese]. Beijing: China Statistics Press. NBS. (1989–2014).
China Labour Statistical Yearbook (zhongguo laodong tongji nianjian). Beijing: China
Statistical Publishing House. NBS. (1981–2015). China Statistical Yearbook (zhongguo
tongji nianjian). Beijing: China Statistical Publishing House ↩

18. См.: [China's new collective bargaining rule is too weak to ease labour conflicts](#)(Halegua, 2015, Feb 25) ↩
19. Shen K., Lee S. H. [Benefit Incidence of Public Transfers: Evidence from the People's Republic of China](#) // Asian Development Bank Economics Working Paper Series (413). 2014. ↩